

УДК 94(470.5).081/083

С. Д. Батищев

**СОЦИАЛЬНЫЙ ОБЛИК И ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
ГОРНОЗАВОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ УРАЛА ВТОРОЙ
ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX вв.:
ФОРМИРОВАНИЕ И ТРАНСФОРМАЦИЯ
ПРОБЛЕМАТИКИ В СОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ¹**

В статье дан краткий историографический обзор работ советских историков, в работах которых поднималась проблематика социального облика и особенности повседневной жизни горнозаводского населения Урала второй половины XIX – начала XX вв. Делается вывод, что эта тема не получила полноценной разработки в советский период развития исторической науки.

Ключевые слова: горнозаводское население, Урал, советская историография, социальный облик.

В дореволюционный период некоторые исследователи, например, А. Н. Митинский и И. Х. Озеров, пытались обозначить психологические особенности уральских рабочих, детали их повседневной жизни, но отдельных специальных исследований на эту тему не было.

Проблематика социального облика и социальной психологии в советской историографии специально практически не изучалась. Подобные аспекты лишь затрагивались историками при изучении рабочего движения, и решались однобоко: их интересовало в основном постепенное нарастание революционности и соответствующего иде-

¹ Статья является переработанным вариантом одного из параграфов магистерской диссертации автора: *Батищев С. Д.* Горнозаводская промышленность и горнозаводское население Урала второй половины XIX – начала XX в. в восприятиях и оценках представителей дореволюционной и советской историографии. Челябинск, 2021.

ологического мировоззрения рабочего класса [см.: Алеврас, Батищев, 2021].

Свой вклад в разработку социальной психологии рабочих внесли этнографы и филологи, которые, на наш взгляд, более обстоятельно подошли к этой тематике, в отличие от «классических» историков. Поэтому на их работы мы прежде всего и обратим внимание.

В 1953 г. В. Ю. Крупянская на страницах журнала «Советская этнография» опубликовала статью, посвященную уральским рабочим второй половины XIX в. на примере Нижне-Тагильского горного округа [Крупянская, 1953]. Позднее у нее в соавторстве с другим исследователем вышла монография по этой же тематике, но на более широком фактографическом материале [Крупянская, Полищук, 1971]. Автор отметила этническую идентификацию рабочих. Преобладали русские, были и украинцы, которых от русских не отделяли. В 80–90-е гг. в среде горнозаводских рабочих стали постепенно проникать татарские семьи – бедняки-переселенцы из других губерний, которые представляли собой дешевую рабочую силу. Автор отметила также тот факт, что рабочие волнения, имевшие место в первые годы после реформы 1861 г., носили принципиально иной по сравнению с крестьянскими характер, выраженный особенностями требований (повышение заработной платы, улучшение условий труда и т.д.). Во второй половине XIX в. усиливается социальная дифференциация заводского населения. По мнению исследовательницы, развитие кустарных промыслов способствовало этому процессу. Многие кустари стали «хозяйчиками», которые занимались эксплуатацией бедняцкой части населения (нанимали на работу за низкую заработную плату [Крупянская, 1953, с. 74]. Дается характеристика жилища заводского населения: характерна односрубная изба, популярностью пользовался и трехраздельный дом (делился на два сруба и сени между ними). Любимым кушаньем рабочих были пельмени, чай вошел в повседневный обиход примерно в последней четверти XIX в. [Там же, с. 85]. Культура питания была упорядочена, предполагала практически ежедневную варку пищи, сухоядение не было распространено.

Наблюдения В. Ю. Крупянской дополнила Т. К. Гуськова, на тот момент – сотрудник краеведческого музея, которая тоже, основываясь на этнографических подходах к изучению прошлого, выделила некоторые особенности населения Нижне-Тагильского горного округа рубежа XIX–XX вв. [Гуськова, 1958].

Статья написана по результатам экспедиции 1957 г. по территории Висимо-Шайтанского района Свердловской области, которую предпринял краеведческий музей Нижнего Тагила. Т. К. Гуськова на основе анализа материалов экспедиции отмечала, что даже в конце

XIX в. труд такой категории рабочих, как углежого, был примитивным, оплата труда – низкой. Население отдельных заводских поселков, помимо непосредственной работы на предприятии, занималось народными промыслами, например, бондарным. Исследовательница отмечала повсеместное внедрение линейной планировки улиц в заводских селениях. Строительством домов в дореформенный период в основном занимались заводууправления, в пореформенный этап постепенно рабочие сами стали брать на себя эту функцию. При этом автор подчеркивала, что сначала план стройки должен был быть одобрен заводской конторой. Само строительство также находилось под наблюдением представителей заводской администрации [Там же, с. 37]. Такой предмет мягкой мебели как кровать широкого распространения вплоть до революции 1917 г. не получил, они имелись в домах лишь самых состоятельных семей. Также автор привела в своей работе типологию жилищ горнозаводского населения, специально отметив, что большие семьи жили, как правило, в трехкамерном жилище. Встречается наблюдение о том, что женщины были физически сильными и порой наравне с мужчинами работали в кузнях и даже на приисках, тем самым пополняя семейный бюджет [Там же, с. 41].

Н. С. Полищук посвятила свою статью изучению шахтерских бытовых песен как источника по изучению вопроса о положении рабочих [Полищук, 1960]. Примеры песен, которые приводятся в этой статье, показывают исключительно тяжелое положение рабочих. Такой типичный для советской историографии подход не позволил, на наш взгляд, в полной мере отразить всю полноту жизни рабочего класса. Ведь кроме трудностей в их жизни наверняка находилось место и более счастливым моментам.

Заметную веху в советской историографии по данной проблематике составила монография этнографов [Крупянская, Полищук, 1971], которые на примере Нижне-Тагильского горного округа изучили особенности социального облика и быт уральских рабочих на рубеже XIX–XX вв. Исследователи активно собирали полевой материал на протяжении 1950–1960-х гг., проработали также архивные документы по интересующим их вопросам.

Авторы подробно исследовали структуру семьи, подчеркнув, что к началу XX в. семья в большинстве случаев состояла из двух поколений (супруги и их неженатые дети). Исключения из этой общей тенденции составляли старообрядческие семьи, численность которых была больше, как и количество поколений, живущих под одной крышей. На численность семьи могло влиять наличие большого подсобного хозяйства, для которого нужно было больше рабочих рук. Фиксируется рацион питания горнозаводского населения, отмечается раннее начало трудовой деятельности.

Исследователи привели интересный факт из повседневной жизни заводского населения – постепенное распространение практики составления завещаний, что свидетельствует о повышении желания отдельных лиц юридически закрепить свое имущество за определенными родственниками. Этнографы особо акцентировали внимание читателей на то, что завещания были важны для закрепления и защиты статуса замужней женщины в случае смерти мужа. Другим заметным явлением стало увеличение количества смешанных (по религиозной принадлежности) браков.

Важной особенностью для формирования представления об облике горнозаводского населения является практика совместной трапезы в семье. Эта традиция, или даже ритуал, способствовала сплочению семьи. Обстоятельно показаны особенности свадебных и похоронных обрядов. В свободные от работы минуты досуг семьи был разнообразным. Занимались починкой одежды, обуви. Популярностью пользовались совместное распевание песен, чтение вслух лубочной литературы.

Отдельную главу в монографии авторы отвели под анализ рабочего фольклора. По убеждению авторов, изучение фольклора позволяет увидеть у рабочих «степень созревания пролетарского мировоззрения» [Там же, с. 202]. Н. С. Полищук, написавшая эту главу, отметила фрагментарность источников по причине малого количества информаторов, у которых брали сведения в ходе этнографических экспедиций. В главе приводится типология фольклора и краткая его характеристика. В песнях и частушках отражалась тяжесть трудовых будней рабочих, высмеивалась заводская администрация, присутствовала сатира на заводладельцев. Исследователи не могли обойти стороной такое направление в фольклоре как революционные песни. В книге сделан акцент на роль социал-демократов в их распространении в рабочей среде, что должно было способствовать формированию революционных настроений и самосознания трудящихся. На наш взгляд, исследование этнографов внесло существенный вклад в вопрос о социальном облике рабочих как основной части горнозаводского населения, их быте, культурных особенностях, повседневной жизни. Но в то же время нельзя не заметить, что в книге часто встречаются традиционные для советской историографии характеристики о нарастающих революционных настроений рабочих масс, их пролетарском сознании. Вероятно, эти пассажи во многом носили формально-ритуальный характер, чтобы показать, что исследование соответствует устоявшемуся в исторической науке канону.

Через несколько лет на эту монографию появилась рецензия [Сабурова, 1973]. Она носит комплиментарный характер. Рецензент на-

звал книгу настоящим событием в этнографической науке, первым знаковым исследованием об этнографических особенностях рабочего класса России, и Урала в частности.

В монографии, по убеждению рецензента, убедительно показана определенная замкнутость локального сообщества, сохранявшаяся во многом благодаря феодальным пережиткам. Одним из них была вера рабочих в то, что они, а не пришлое население, должны в первую очередь получать работу. Таким образом, население заводских поселков идентифицировало себя в качестве особого сословия. Население также явилось носителем двух культур – городской и деревенской, они переплетались в рабочем сознании и проявлялись в бытовых сторонах жизни.

Одним из достоинств книги рецензент называл включение в работу специальной главы, в которой исследовался фольклор рабочих как особое проявление локальной культуры. Но в нее не включены сведения о традициях старообрядцев в этой сфере, которые сохранялись и на рубеже XIX–XX вв. Рецензент нашел в работе еще несколько недостатков. По его мнению, в книге недостаточно полно освещен вопрос о производственной деятельности рабочих, не указаны орудия труда для работы в подсобном хозяйстве, их распространенность, продолжительность трудового стажа и т. д.

Позднее фольклор рабочих Урала изучался в работах филологов В. В. Блажеса [Блажес, 1987] и А. И. Лазарева [Лазарев, 1988]. Они углубили представления об особенностях этого жанра народного творчества, насытили его новыми фактами. В. В. Блажес отмечал, что значительная часть фольклора была направлена на высмеивание отдельных представителей заводской администрации, вызывавших наибольшее раздражение со стороны рабочих из-за их придирок к трудящимся и притеснений. Это, на взгляд В. В. Блажеса, являлось выражением своеобразной формы социального протеста. Филолог рассматривал сатиру и смех и как орудие классовой борьбы, которое играет цементирующую роль в деле сплочения пролетариата [Блажес, 1987, с. 130]. Исследователь обращал внимание и на роль рабочей молодежи в деле распространения нелегальной прессы и прокламаций большевистских организаций в заводских поселениях, что подготавливало почву для формирования революционных настроений в уральской провинции.

Вопрос о самосознании рабочих Урала занимал особое место в исследованиях советских авторов. Среди прочего рассматривались рычаги формирования классового самосознания уральских рабочих. Так, по мнению челябинского историка А. В. Лушников, одним из таких рычагов в начале XX в. стало распространение в среде рабочих

трудов В. И. Ленина, а также (на чем акцентируется особое внимание) газеты «Искра», которая способствовала выработке классового самосознания уральского пролетариата.

В качестве примера А. В. Лушников называет широкое освещение «Искрой» подавления стачки в Златоусте в 1903 г. По его мнению, это событие «Искра» успешно использовала «для политического воспитания рабочего класса Урала и всей страны, для перерастания глухой их ненависти к политическому произволу в сознательную борьбу с самодержавием» [Лушников, 1983, с. 11].

Иными словами, с помощью распространения нелегальной прессы большевики формировали сознательность пролетариата как особого класса, являвшегося прямым антагонистом капиталистов. В русле советской историографической традиции А. В. Лушников сделал акцент на сознательность рабочих и их революционность. Однако конкретных примеров этой революционности в данной статье не представлено.

В. С. Аллаярова одной из первых пыталась выделить особенности психологии и самосознания уральского рабочего класса. [Аллаярова, 1990(а)]. По ее мнению, уральские рабочие после отмены крепостного права в силу ухудшившегося материального положения деревни в первые годы после проведения реформы 1861 г., а также ввиду неразрешенности земельного вопроса стали протестовать против сложившегося положения. В результате они «в процессе борьбы осознавали себя как социальную общность, противостоящую эксплуататорскому меньшинству» [Там же, с. 6].

Отмечалось, что существовавшая в крае на протяжении продолжительного времени горно-окружная система, как известно еще из дореволюционных работ, способствовала обособлению заводских комплексов, лишала рабочих предприятий разных округов связи друг с другом, что «также способствовало длительной неизменности их социальной психологии» [Там же, с. 11]. В 60-х – 70-х XIX в. отмечаются первые на Урале стачки, которые также способствовали выработке классового самосознания. В. С. Аллаярова полагала, что рабочие стали понимать, что, только объединившись в массы, сплотившись в некий крупный коллектив, они смогут чего-то добиться от предпринимателей. При этом автор статьи признавала, что в эти первые пореформенные десятилетия в среде рабочих, принимавших активное участие в протестных движениях, «зачастую бытовали мелкособственнические настроения, сознательность участников стачек оставалась на низком уровне» [Там же, с. 13].

Несомненным фактором, влиявшим на социальный облик уральских рабочих, являлась их тесная связь с землей, что выражалось

в предъявлении аграрных требований в ходе протестной активности на протяжении всего пореформенного периода. В другой работе В. С. Аллаярова проводит мысль о том, что уральские рабочие по причине тяжелых условий существования были готовы к революционной борьбе [Аллаярова, 1990(б)]. Еще одной особенностью социальной психологии уральского пролетариата исследовательница считала то, что рабочие Урала зачастую были потомственными, профессиональные навыки переходила от отца к сыну; тем самым в рабочем сознании возникала мысль об их важности для заводского производства.

В. Г. Железкин показал особенности правового положения уральских рабочих в начале XX в. [Железкин, 1991]. Автор подчеркнул прогрессивность российского законодательства в плане обеспечения рабочих некоторыми социальными гарантиями (пенсии, выплаты по болезни и т. п.). Он указывал на то, что если во второй половине XIX в. на казенных предприятиях действовали горнозаводские товарищества, которые служили некоторым гарантом социальной защищенности рабочих, то на частных рабочие целиком зависели от доброй воли заводладельца, «пенсии носили характер благотворительных подачек и были мизерными» [Там же, с. 110]. Автор рассмотрел размеры денежного довольствия при пенсионных выплатах в случаях потери горнорабочими трудоспособности. Исследователь считал, что в целом имели место тенденции к некоторому улучшению положения рабочих, хотя бы на законодательном уровне.

Предпринимались попытки изучить вопрос о социальном страховании рабочих на Урале [Алферова, Юдина, 1990]. Основным мотивом правительства и заводладельцев для принятия на законодательном уровне документов, которые обеспечивали расширение и защиту социальных прав и гарантий трудящихся, по мнению историков, стало желание остановить развитие стачечного движения, которое в начале XX в. вышло на пик своего развития. Анализируя сюжетные линии законов о страховании 1903 и 1912 гг., а также показав на архивном материале, как именно эти законодательные акты применялись на практике в уральских горных заводах, Е. Алферова и Л. Юдина пришли к выводу об их малоэффективности и неспособности существенно улучшить положение рабочих кадров. Тем не менее, авторы выделили одно новшество, которое принесло некоторую пользу представителям рабочего класса. Речь идет о введенных по закону 1912 г. больничных кассах. В их состав постепенно стало входить все больше и больше рабочих, в том числе (что особо подчеркивали авторы), представителей большевистских организаций, вносящих в деятельность этих институций пропагандистскую составляющую.

Целью работы Л. А. Трефиловой стал анализ влияния изменения правового статуса уральских рабочих на их самосознание [Трефилова, 1990]. Основным фактором, повлиявшим на сплоченность рабочих, осознание себя как единой общности, класса, являлись протестные движения в пореформенный период: борьба за улучшение условий труда, принятие законов, которые бы предоставляли рабочим некоторый минимум социальных гарантий. Еще одним обстоятельством, повлиявшим на самосознание рабочих стало то, что они чувствовали себя незащищенными от произвола заводской администрации, не могли добиться от представителей большинства заводууправлений справедливых, по их мнению, расценок за свой труд. Автор одновременно подчеркивала воздействие на мировоззрение рабочих нелегальных социал-демократических рабочих кружков. В целом, анализируя статью Л. А. Трефиловой, нельзя не заметить, что исследовательнице не удалось выйти за пределы давно сложившегося канона представлений о революционности уральских рабочих.

Подводя итоги, можно сделать вывод о том, что тема социального облика и психологии горнозаводского населения Урала не получила полноценной разработки в советский период развития исторической науки. Во многом это связано с тем, что в фокусе внимания авторов находилась прежде всего экономическая история горнозаводского Урала, а социальные аспекты анализировались, за редким исключением, лишь при изучении протестных движений. Нельзя не согласиться с мнением Ю. Д. Коробкова о том, что советские историки не смогли глубоко проникнуть в особенности социального облика и психологии горнозаводского населения [Коробков, 2003]. Ясно, что явный поворот к социокультурной истории начался лишь на современном этапе, на рубеже XX–XXI вв., когда у научного сообщества появились новые интересы, не привязанные к одной, единственно верной парадигме.

Алеврас Н. Н., Батищев С. Д. Челябинский историк В. Е. Четин: опыт изучения истории горнозаводского Урала в контексте советской историографии 50–70-х гг. XX века // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2021. Т. 163. Кн. 3. С. 75–89.

Аллаярова В. С. Становление социального сознания горнозаводских рабочих в первые десятилетия пореформенного периода (60–70-е гг. XIX в.) // Социально-экономическое и правовое положение рабочих Урала в период капитализма (1861–1917). Свердловск: УрО АН СССР, 1990. С. 3–15. (а)

Аллаярова В. С. Социально-историческая сущность классовых составляющих горнозаводского пролетариата Урала. Свердловск: НИСО УрО АН СССР, 1990. (б)

Алферова Е. Ю., Юдина Л. С. Социальное страхование рабочих Урала (конец XIX – 1917 г.) // Социально-экономическое и правовое положение рабочих Урала в период капитализма (1861–1917). Свердловск: УрО АН СССР, 1990. С. 77–95.

Блажес В. В. Сатира и юмор в дореволюционном фольклоре рабочих Урала. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1987.

Гуськова Т. К. Некоторые этнографические особенности населения бывшего Нижне-Тагильского горнозаводского округа в конце XIX – начале XX в. // Советская этнография. 1958. № 2. С. 34–42.

Железкин В. Г. Изменения в правовом положении рабочих Урала в период империализма (1900–1917 гг.) // Промышленность и рабочие Урала в период капитализма. Свердловск: УрО АН СССР, 1991. С. 109–125.

Коробков Ю. Д. Социальная психология рабочих пореформенного Урала в оценках отечественной историографии 20–90 гг. XX в. // Проблемы российской истории. Вып. 2. Магнитогорск: Магнитогор. гос. ун-т, 2003. С. 79–107.

Крупянская В. Ю. Опыт этнографического изучения уральских рабочих второй половины XIX века // Советская этнография. 1953. № 1. С. 64–87.

Крупянская В. Ю., Полищук Н. С. Культура и быт рабочих горнозаводского Урала (конец XIX – начало XX в.). М.: Наука, 1971.

Лазарев А. И. Рабочий фольклор Урала. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1988.

Лушников А. В. Роль В.И. Ленина и ленинской «Искры» в формировании классового сознания уральского пролетариата (1900–1903 гг.) // Деятельность большевиков Урала по революционному воспитанию народных масс в 1903–1917 гг. Челябинск: ЧГПИ, 1983. С. 3–28.

Полищук Н. С. Приисковые и шахтерские бытовые песни как материал для изучения положения и быта рабочих // Советская этнография. 1960. № 4. С. 53–63.

Сабурова Л. М. [Рецензия] // Советская этнография. 1973. № 4. С. 170–174.

Трефилова Л. А. Правовое положение и классовое самосознание горнозаводских рабочих Урала в 60–90-х гг. XIX века // Общественная и культурная жизнь дореволюционного Урала. Пермь: ПГУ, 1990. С. 68–81.

УДК 303.62

М. Н. Сивков

ПРОБЛЕМЫ И ОСОБЕННОСТИ ТРАНСКРИБИРОВАНИЯ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИНТЕРВЬЮ

В статье дана сравнительная характеристика основных видов социологического опроса: анкеты и интервью. Рассматриваются методические аспекты интервьюирования в качественных социологических исследованиях. Обозначены современные проблемы видовой классификации интервью. Основным предметом исследования выступает специфика транскрибирования социологических интервью. Рассмотрены способы расшифровки записи бесед. Выделены и описаны группы сложности, встречающихся при создании транскриптов, в зависимости от порождающих их факторов. Предлагаются возможные пути устранения затруднений, которые возникают в процессе транскрибирования.